

«ПЛАТОНОВСКИЙ» ЧЕЛОВЕК

Читательский интерес к произведениям Андрея Платонова, на мой взгляд, за последние годы значительно упал. И дело не только в том, что читатель «охладел» к прозе великого писателя — резко изменилась эпоха, мировоззрение людей.

Платонов с ранней юности — сын революции, свято веривший в нее, как и в новое светлое общество, строительству которого он собирался посвятить все свои молодые силы. Андрей был обуреваем глобальными идеями, как социальными, так и научными. В то время вся Россия с ее надеждами на скорые перемены могла бы именоваться большой «Чевенгурией».

Проза Платонова, ставшая полностью доступной в конце 80-х годов прошлого века, была воспринята как новое литературное явление, родившееся из пены угасающей советской идеи. И все же не каждый «перестроечный» читатель оценил или просто дочитал до конца роман «Чевенгур». Может быть, поэтому виртуальным образом я решил совершить лирическое «путешествие» в этот странный, до сих пор загадочный роман.

Писать о творчестве Платонова без цитат невозможно, только так можно воссоздать феерию приключений «душевного» человека, взглянуть на фантастическую платоновскую страну из нашего сегодня.

МОЛОДОСТЬ ГЕНИЯ

Решающую помощь в становлении молодого Платонова как писателя и личности оказал Г. Литвин-Молотов. После освобождения Воронежа в 1918 году от белых казаков генерала Шкуро тогда еще молодой журналист Молотов редактировал газету «Воронежская беднота», переименованную позже в «Красную деревню».

Другой известный писатель Н. Задонский вспоминал, как в «Воронежской бедноте» весной 1919 года состоялась его знакомство с Андреем. («В потоке жизни». Воронеж. Центрально-Черноземное книжное издательство, 1968 г.).

Н. Задонский цитирует письмо Г. Литвина-Молотова, по которому легко представить образ юного Платонова. Перед читателем возникает образ начитанного молчаливого юноши, напоминающего будущего персонажа «Чевенгура» Сашу Дванова.

«— Можно? — тихо проговорил скромный молодой человек, очень бледный и чмто в своем молодом облике напоминающий с юношеских лет любимого мною писателя Достоевского, хотя у пришедшего бледного молодого незнакомца бороды и в помине не было, как и усов».

Платонов принес редактору стихи, написанные четким красивым почерком. Литвина-Молотова стихи увлекли, он принялся читать их все подряд, а когда оторвался от рукописи... в кабинете — никого. Уже на улице редактор догнал скромного поэта, взял его за руку, уговорил его стать штатным сотрудником газеты. Так началась литературная судьба будущего писателя. Молодой Платонов работал в отделе «По нашему краю», обрабатывал письма крестьян, рабочих и красноармейцев. В тех письмах отражалась жизнь Воронежской губернии.

«Все мы, товарищи Андрея, — вспоминает далее Н. Задонский, — понимали, что в литературу входит большой, талантливый, взволнованный писатель с глубоким, сложным, оригинальным мышлением».

Приводится фраза Г. Литвина-Молотова: «Очень часто мне приходилось выдерживать бои за его вольные фантазии и отступления вглубь веков будущего».

Всем, кто читал ранние статьи Платонова, а позже прочел «Чевенгур», легко уловить в утопических фантазиях Чепурного, Копенкина, Пашинцева, других персонажей романа, отголоски ранних статей Платонова.

«Чевенгур» — иронический пересказ юношеских идей Платонова, вложенных в уста героев «Чевенгура». Вот, например, фрагмент статьи «Слышные шаги» с характерным подзаголовком «Революция и математика», напечатанной 18 января 1921 года в газете «Воронежская коммуна»:

«Социальная революция — ворота в царство сознания, в мир мыслей и торжествующей науки. Сам коммунизм тогда только и стал действительной страшной несломимой силой, когда он стал наукой, — пишет А.Платонов. — ... Это будет бушующее пламя познания, охватившее все города, все улицы, все существа нашей планеты... Тихими шагами идет к нам будущее, а мы к нему бежим навстречу и радуемся заранее. И наша радость не обманется. Мы уже слышим приближение того, чего никогда не было и будет один раз».

В этом отрывке узнается риторика организатора первого «коммунизма в степи» фанатика Чепурного.

В том же году «Воронежская коммуна» 4 марта помещает еще одну возвышенно-поэтическую статью А. Платонова «Над мертвой бездной»:

«У нас нет твердой правды, но зато нет и призраков, у нас одна правда — сознание мировой неправды и мрака...»

Революция устами взрослеющего Платонова обнажает свою изнанку, свое иррациональное нутро. Юношеские мечты Андрея воплощены в философских и в то же время абсурдных для современного человека идеях. Постепенно Платонов начинает понимать постреволюционную эпоху, с горечью осознать несбывшиеся надежды.

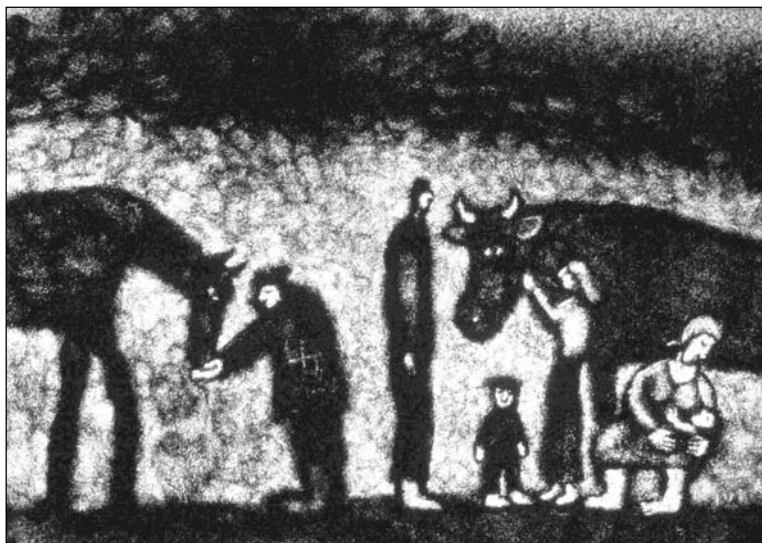

Рис. С. Филипповой

После окончания гражданской войны стремительно менялось представление о революции, о ее роли для страны и мира. Многие из прошлых лет для молодого мыслителя и прозаика по мере взросления стало понятным, порой забавным, чаще трагическим. Романтика гражданских битв и всепланетных надежд пролетариата ушла в прошлое. Изменилось понимание процессов, происходящих в СССР в 30-е годы. С помощью абсурдистских глав «Чевенгура» Платонов творческим образом избавился от прежних своих «космических» грез.

Вернемся на минуту в 20-е годы прошлого века. Карьера Литвина-Молотова шла по восходящей. Его переводят в Краснодар директором издательства, где он публикует первую книгу А. Платонова — сборник стихотворений. А в 1925 году Георгий Захарович — главный редактор издательства «Молодая гвардия», в котором выходит сборник прозы Платонова «Епифанские шлюзы», открывший начинающему воронежскому автору путь в большую литературу.

Вглядимся в словесный портрет молодого Платонова, каким его нам показал в своей книге Н. Задонский:

«Андрей был среднего роста и крепкого сложения, с широким русским лицом и пытливыми глазами, в которых словно затаилась какая-то глубокая печаль.

Он ходил в серых полусуконных брюках навыпуск и такой же рубашке с поясом, а в жаркие дни — в рубашке холстинковой или ситцевой».

Молодые писатели в начале 1920-х годов решили издавать небольшой литературный журнал. Материал собирали в Воронеже, журнал печатали в Задонске на газетной бумаге. В журнале, который назывался в духе того времени «Красный луч», был напечатан первый рассказ А. Платонова «Сергея и я».

Уже после войны Н. Задонский встретился с А. Платоновым в Москве.

«Он выглядел неважно. Лицо как-то посерело, глаза померкли, он часто кашлял». Друзья юности побывали на квартире Платонова на Тверском бульваре. Платонов прочел Задонскому отрывок из пьесы, друзья немного подискутировали. Н. Задонский сделал несколько замечаний по тексту, на что Андрей Платонович вздохнул:

— Да что поделаешь! Не могу я фальцетом... и совестью кривить не могу...

Главная проблема после окончания гражданской войны не только разруха, всеоб-

чая бедность, но и преодоление тысячелетнего застоя жизни. В городах гремела индустриализация, звучали оркестры, развевались знамена, в то время как деревенские пахари, ковыряющие землю сохой, не могли прокормить увеличивающуюся армию рабочих и специалистов России.

Заводы и стройки меняли облик страны. Деревня как таковая, как «мир», оставалась сама по себе. Модное в то время слово «смычка» не имело под собой реальных дел.

И все же первичная идея переустройства мира, предложенного революцией, еще долго волновала умы и сердца людей. Апофеоз этого волнения и отражен в большом платоновском романе.

«ЧЕВЕНГУР» И МОСКВА

Летом 1927 года Андрей Платонов начал писать «Чевенгур». Опубликован роман в 1988 году в журнале «Дружба народов». Помню многодневную очередь за этим журналом в библиотеке общежития Литературного института. Читали запоем, так как журнал выдавался на одну ночь!

«Чевенгур»... В перестроечную эпоху он стал важным литературным событием. Оказывается, много раз читанная повесть «Происхождение мастера» — лишь начало большого произведения. В повести изображена неспешная жизнь дореволюционной провинции, которую, казалось, не изменил торопливый ход истории. Однако революция «пешим ходом» добралась и в эти края.

Мой знакомый юрист в свое время начал читать «Чевенгур» и отложил книгу на неопределенное время. Позволил мне: «Это не текст, а ерунда, бред. Особенно в последних главах. Какие-то идиоты ходят по Чевенгuru, питаются чем бог послал, проносят глупые речи... Нет уж, брат, сам читай своего Платонова!»

«ГОЛОД НАЗВАНЬЕ ЕМУ...»

От идеи коммунизма страна отказалась в 1991 году. Примерно в это же время массовым тиражом был издан главный платоновский роман. И опять, как и в 30-е годы, «Чевенгuru» не повезло, роман, как говорится, не попал «в струю», оставшись на обочине читательского внимания.

Чевенгур — вымышленный одноэтажный городок, затерянный в воронежских степях. В этом мешанском городе время и прежде как бы не двигалось, а после революции вовсе остановилось.

Регулярность тогдашнего российского неурожая — народная беда, катастрофа, периодически повторяющаяся. Вместе с голодом — запустение, одичание деревень. «Дети сами заранее умерли», а те, которые не хотят умирать, плачут от голода. «Заботливая» старуха поит младенцев грибной настойкой, от которой дети навсегда засыпают.

Это происходит в Ямской слободе, где живет Захар Павлович — одинокий мастер-самоучка. У него нет ощущения будущего, так же как и у его спутника — бобыля, питающегося травами.

Механическое понимание жизни как чего-то параллельного, не относящегося к людям, побуждает Захара Павловича стремиться к машинам, а устройство всей огромной жизни мастеру непонятно.

Разруха, «одичалые, переросшие свою норму лопухи». «Засуха — бессмысленное происшествие», — констатирует мастер. Пейзаж деревни безотраден: «лебеда и злаки, выросшие на соломенных крышах», в избах живут «полевые желтые птицы», из печной обвалившейся трубы тянется к небу подсолнух. Не менее живописен проросший из праха росток лаптя, символизирующего тысячелетний застой и нищету, возвратившуюся на круги своя.

Церковный сторож наблюдает «ход лета». Колокол — символ времени, образ размеренной деревенской жизни. Окружающий мир, согласно мысли сторожа, держится на чем-то таинственном, как сон, однако «жизнь сильнее сна — она бдительна и ежеминутна».

Сторож — хранитель села. Чем он питается — неизвестно, его задача сохранить время и текущую жизнь. Он уверен, что в деревню вернутся люди — «долго без человека нельзя». Колоколом он «сокращает время», призывая людей вернуться в родные места.

Голод гонит пожилого мастера на заработки в железнодорожное депо.

«Захар Павлович никогда не интересовался людьми. Благородство человека он ценил по сложным изделиям».

Люди предчувствовали великие общественные перемены. Даже такой «механический» на первый взгляд человек, как Захар Павлович, несмотря на свою замкнутость и отчужденность, является представителем «остро думающей» провинциальной России.

Откуда же взялся, «произошел» — (одно из часто повторяемых слов) Захар Павлович, механик-самоучка, сын шахтера, которому в наследство от отца достались только штаны? Он мечтает о паровозах — «интерес к механическим изделиям становился затаенней и грустней, как отказанная любовь». В депо Захар Павлович попадает под начало фанатика разных механизмов — машиниста-наставника, который не любит людей и обожествляет паровозы. Наставник — заостренное до абсурда изображение «механического» человека, презревшего ради машин спокойный быт и даже самую жизнь. Все «прочие», не связанные с техникой, для него ничто, мелочь: «людей много, машин мало».

Захара Павловичу повезло: сделавшись железнодорожником, он вступил в «новый искусный мир». Но стал ли он от этого удовлетворенным душой, успокоилась ли его мысль, блуждающая в потемках глухomanного мира?

ПРОБУЖДЕНИЕ ЮНОГО МИРА

Маленький Саша, сирота, сын утонувшего рыбака, нашедший приют в крестьянской семье, вынужден приспособливаться к нищете и несправии.

Его недолюбливает ровесник Прошка. Кстати, судьба сведет названных братьев в Чевенгуре, где каждый найдет то, что хотел — Александр смертельную тоску, Прокофий — конфискованное добро городских «буржуев».

А пока в слободе и в России свирепствует исторический голод 1921 года. Приемыша отправляют побираться. Ни родина, ни потерянный дом не дали мальчику куска хлеба.

Сашу не волнует исход из крестьянского мира. Подросток без особой надежды, но и без отчаяния, трогается в путь. Век Александра Дванова, неактивного коммуниста, самобытного философа и стихийного экзистенциалиста, увы, окажется более коротким, чем у его отца, утонувшего ради любопытства в озере.

Саше повезло — он встретил нового отца — Захара Павловича.

Советские издатели, возможно, поступили рационально, напечатав в 60-х годах прошлого века отдельной книгой «Происхождение мастера». Тогда это было можно сделать, идеология от такой публикации не страдала. Остальной текст «Чевенгура» (который и сейчас некоторым кажется абсурдным, «антисоветским») остался скрытым до времен перестройки. В «Происхождении мастера» читатель видит Россию, далекую от грез о коммунизме. Однако мечты, надежды, будоражащие глубины людских душ, уже кипят. В подводных течениях народного мышления рождается мысль о переустройстве мира. Появляется она, прежде всего, в юных сердцах.

МЕХАНИКА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ДУШИ

«Железнодорожные» главы у Платонова насыщены пейзажами, яркими характеристиками; в депо, например, «вечерний звучный воздух».

Мастер-наставник требовал, чтобы у его подчиненных «был угол опережения жизни». Однако у самого наставника такого «угла опережения» не было. Глубинным чувством наставник понимал, что никакая машина, даже самая совершенная, не сможет заменить человека. Впрочем, сварливый наставник вынужден признать, что именно «человек — начало для всякого механизма», хотя «вся природа, не тронутая человеком, казалась (наставнику. — А.Т.) малопрелестной и мертвой». Захар Павлович понимает, что «железные дюймы побеждают земляные версты», и все же горюет о том, что жизнь его «прошла без всякого отчета и без остановки, как сплошное увлечение».

Вокруг Захара Павловича протекает «тихая равнодушная жизнь», и тот факт, что «беда для человека всегда повторяется», он воспринимает равнодушно, потому что человек «не меняется и не умнеет».

Наблюдая нищих времен гражданской войны и голода, пожилой мастер приходит к выводу, что «жизнь — это движение горя». Люди уходили из голодных деревень в неизвестном направлении и пропадали навсегда.

Захар Павлович впервые усомнился в «драгоценности машин и изделий выше человека». Нищий подросток Прошка (в будущем он завладеет имуществом Чевенгура), будучи сиротой, «кое-как напряженно существовал, едва ли полностью чувствуя свой ум, произносил слова, разум которых выше его детства».

От печальных мыслей Захар Павлович начинает хуже работать, подолгу размышляет, его перестают ценить на работе.

Саша, приемный сын, такой же философ, как и Захар Павлович, даже более впечатлительный.

ПАПИРОСЫ МАРКИ «ЗЕМЛЯЧОК»

«Захар Павлович приходил в упадок». Так говорят по обыкновению о царствах и больших территориях. Платонов в данном случае имеет в виду территорию души человека, не вписавшегося в новую жизнь. Подрастающий Александр запоем читает книги. Захар Павлович спрашивает: вычитал ли, Саша, для чего человеку следует жить?

Тот успокаивает отца: жить надо всем, и чем дальше жить, тем будет лучше.

Война 14-го года. Стали часто ходить поезда. Захар Павлович о войне: «несерьезное, нарочное дело». Перебои с продуктами. Захар Павлович воспринимает войну почти равнодушно, как очередное народное бедствие, к которым не привыкать.

В одном из писем к жене Платонов касается тайны своего творчества: «Я не буду литератором, если буду излагать свои неизменные идеи. Меня не станут читать. Я должен опошлять и варваризировать свои мысли, чтобы получились приемлемые произведения... А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их не стали бы печатать».

Захар Павлович «стал жить смиренно, не надеясь на всеобщее коренное улучшение». Полным ходом шла империалистическая война, после которой мир изменится, наступит 20-й век...

Машина, полагает Захар Павлович, — существо безответное, паровозы везут солдат на фронт насильно. На станции гремят чайники, «люди говорят странными головами, как чужие племена».

Саша продолжает самообразование, отец одобряет это занятие: Саше «книжки чужим умом говорят». Платонов заглядывает вперед судьбы задумчивого паренька: «Зря горела лампа в юности Александр Дванова, освещающая раздражающие страницы книг, которым он все равно не последовал».

Старый мастер не удивился происходящим переменам: «революция легче, чем война, на трудное дело дети не пойдут». Его практичная жена предвидит беду: не будет ни хлеба, ни одежды!..

ПАРТИЙ МНОГО, ИСТИНА ОДНА

Не устоял против новых веяний и Захар Павлович, он ищет в городе (видимо, в Воронеже) «самую серьезную партию, чтобы в нее записаться. Однако «нигде ему точно не сказали про тот день, когда наступит земное блаженство».

Саша вступает в партию большевиков, отец напоследок советует: «Живи главной жизнью».

Александр, как и сам Платонов, верит, «что революция — это конец света» и что настанет «новый свет», ради которого стоит жить и бороться. Впрочем, Александр по натуре своей не борец, а скорее созерцатель.

Дванов в Новохоперске. Здесь он видит людей, готовых «умереть в обиходе революции». Люди настолько пропитались «жизнетворящей» идеей, что готовы отдать за нее жизнь.

Дванов едет в поезде с отрядом большевиков, линию обстреливают казаки. Саша помогает кочегару, паровоз мчится с «клокочущей скоростью». Вокзал — «опасный дом гражданской войны». На полу спят вповалку люди — бомжи 18-го года. Дванову интересны встречные люди. Молодой человек в этом смысле не настоящий коммунист, он скорее философ, который видит мир преображенным, пытается понять новое направление жизни. Дванов — романтик реальности, происходящей перед его взором, однако чужд книжного романтизма.

По воле случая Дванов ведет поезд вместо сбежавшего машиниста. И вдруг заметил встречный паровоз, который с большой скоростью мчится под уклон. Тормоза у обоих паровозов не работают... Молодой большевик готов к собственной гибели. После столкновения поездов Дванов уцелел, однако сильно контужен, идет куда глаза глядят.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПАЛЬТО «СОВЕТСКОГО» ГУБЕРНАТОРА

Александр возвращается домой, несколько месяцев болеет тифом, балансируя на грани смерти. Молодой организм победил, молодому большевику надо включиться в работу.

Предгубисполкома Шумилин (по нынешним меркам губернатор) живет скромно. У жены тиф, дом освещается примусом, на досуге Шумилин рисует ветряной двигатель, чтобы с его помощью пахать поля, «так как в губернии наступило безлошадье».

«Шумилин сжался под пальто (которым укрывался вместо одеяла. — А.Т.), чтобы соответствовать общей скудости советской страны».

Исток создания идеального «коммунизма» бродит в головах не только пролетариев, но и у деятелей высокого ранга. Шумилин верит, что «массы могут сами что-то придумать, может, и социализм где-нибудь нечаянно получился». Шумилин смотрит на мечущуюся в тифу жену и думает: «...надо скорее начинать социализм, а то она умрет». Дети его стараются уснуть, чтобы не хотеть есть.

Шумилин — душевный человек, один из множества забытых ныне руководителей той эпохи. Он ищет «этичного научного парня», который посетит окраины губернии и узнает, «нет ли там социалистических элементов жизни?.. Найти точку посередине нужды, и по ней сразу ударить». Читатель догадывается, что таким «научным» парнем окажется Дванов. С этого момента начнется удивительное путешествие Александра в Чевенгур. Дванов соглашается «искать коммунизм», собирается в неведомый путь так быстро, что Захар Павлович не успеваает сделать для Саши железный комодан в дорогу.

В ПОИСКАХ НОВОЙ ЖИЗНИ

«Научный парень» шагает «в даль губернии». Весьма важной в аллегорическом путешествии Дванова является встреча с крестьянином, который был «со своенравным лицом и... психической бородой». Это деревенский нигилист, уверенный — ни много ни мало! — «во всеобщем заблуждении». Станный человек якобы питается сырой почвой, резонно полагая, что «раз хлеб из почвы, то в почве есть самостоятельная сытость». Хитрец «ковырял глину в зубах, за это его немного почитали».

Дванов уговаривает его и других встречных крестьян заняться рытьем колодцев на плодородных землях, в то время как деревни привычно «жмутся» к речкам и оврагам.

«Душевные бедняки» как всегда выжидают, полагая, что социализм должен «наступить сразу», сам по себе, как растет трава.

Здесь отсутствует какое-либо общественное движение: активисты косноязычны, часто забавны.

В числе философов «от сохи» крестьянин Поганкин, у которого Александр останавливается на ночь. Поганкин «скучает от бедности, дети его от голода постарели». На столе похлебка из картофельных шкурок и горсти пшена. Двенадцатилетняя Варя, дочь Поганкина, приказывает Дванову отвернуться, чтобы он, тоже голодный, не видел, как ужинает семья бедняка.

Александр пытается растолковать крестьянам, что «революция шла из-за земли», что местные жители плохо используют верхние суходольные земли. Молодой человек уверен, что разверстку скоро запретят. «Как война догорит, так ее не будет».

Печально закончилась встреча Дванова с отрядом анархистов. Всадники закуривают, расстрел пленника — дело привычное.

Дванова спасает его начитанность — главарь анархистов, некто Мрачинский распознает в пленнике «большевистского интеллигента» и, будучи достаточно образованным, сохраняет Александру жизнь.

В той же главе впервые появляется бывший красный кавалерист Копенкин, командующий бандитами как прислугой.

Александр ранен пулей в ногу, у него бредовое состояние.

Явление Копенкина, «Рыцаря революции», придает повествованию динамику. Его «Дама сердца», Роза Люксембург, убита врагами, похоронена в Германии. Копенкин считает Розу своей невестой и мечтает за нее отомстить всему капиталистическому миру. У Копенкина невзрачное «международное лицо, черты которого «стерлись о революцию», он спит в шинели, с саблей, прижатой к груди.

Ранение вызывает у Дванова горячку, временное помешательство. В помрачении рассудка Александр идет наугад через степь. «В человеке живет маленький зритель», — комментирует Платонов галлюцинации Дванова, — «евнух души человека». Автор имеет в виду подсознание, когда человек автоматически совершает те или иные поступки.

Саша едет в тамбуре вагона вместе с другими случайными пассажирами, «в жалобах и мечтах» ищущих пропитание.

Остановка, вокзал, комната. Александр видит все это в бреду. «В ночлежной комнате близ вокзала стоял такой храп, словно здесь не спали, а работали. Но «при тогдашней озабоченной жизни, — резонно замечает автор, — и сон являлся трудом».

«Ущелья спавших тел» — характерная примета вокзального быта тех лет. Забавная деталь — бродячая кошка расчесывает спящим пассажирам бороды.

Бредовый взгляд раненого Дванова наблюдает необычный рассвет в степи: «Впереди его наставал новый, лучший день; свет с востока сегодня походил на вспугнутую стаю белых птиц, мчавшихся по небу с кипящей скоростью в смутную высоту».

Описывая природу, Платонов наделяет ее животворящей силой, неотделимой от

человека. Часто в изображаемой природе происходит загадочная «работа», например, «стерегущий труд звезд».

Ирония у Платонова зачастую скрыта между строк, так, например, Дванов «освежил рану водой из лужи». Александр никогда бы этого не сделал, если бы не находился в сумеречном сознании, нормальный человек понимает, что грязная вода — источник инфекции.

«ДОН КИХОТ» ЗАБЫТОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Бывший кавалерист Копенкин — фигура во многом символическая. Идеалы революции тают на глазах. Копенкин часто комичен, смешат его наивно-серьезные размышления о «завоеванном» будущем. В пародийном виде Копенкин повторяет мысли молодого Платонова.

Низкорослый «Дон-Кихот» ездит на огромной лошади, которой он дал соответствующую кличку — Пролетарская Сила.

Роза Люксембург — символ несостоявшейся мировой революции. Во имя Розы странствующий рыцарь совершает свои «степные» подвиги.

Наступила относительно мирная жизнь, Копенкину негде применить свои кавалерийские навыки, в этой жизни он «лишний», малограмотный человек.

Вместе с Двановым Копенкин отправляется на поиски Чевенгура.

В деревнях процветает самогонование, сивушный дым стелется над отнятой у помещиков землей.

Уполномоченный председатель волревкома, взявший себе фамилию Достоевский, оправдывает местных самогонщиков: у них, дескать, «сельский молебен в честь избавления от царизма... сегодня революция отдыхает». Достоевский — типично платоновский персонаж, планирующий «уничтожить ночь для повышения урожая». Кстати, Достоевский, при всей его чудаковатости, опытный чиновник, хитрый изворотливый демагог.

Дванов — идеалист, мечтает о фонтанах в суходольных деревнях, советует сажать культурные травы: «Земля от культурных трав будет ярче и яснее видна с других планет».

«Достоевский корябнул ногтем по столу, как бы размежевывая эпоху надвое: — Даю социализм!»

И хотя «основное счастье уже открыто», Достоевский похудел от руководства вверенным ему населенным пунктом.

Копенкин, впрочем, ему не верит: «Ты белый вспомогатель, а не районный Ленин!» Для Копенкина душевные сомнения равнозначны предательству.

Копенкину и Дванову встречается еще один самобытный философ — лесной надзиратель. Он читает старинные книги, ища в них «советскому времени подобия», полагая, что «решающие жизнь истины содержатся в тайно заброшенных книгах».

Лесной надзиратель «хотел открыть будущее, чтобы заблаговременно разобраться в нем».

Копенкин, узнав в том, что лес приносит меньше дохода, чем рожь, предлагает снести его — «очевидная революционная польза».

Надзиратель жалуется — браконьеры вырубают лес.

Старый воин, наоборот, одобряет дела черных порубщиков: «мы идем по следу народа».

Вскоре путники очутились в странной коммуне, которая является пародией на саму себя. Ордера на ужин здесь даются на клочках бумаги под общим лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», написанном от руки. В малочисленной коммуне все члены занимают ту или иную должность, рядовых сотрудников нет.

Копенкин спрашивает: как идут дела с пахотой?

«Коммунары»: в этом году еще не пахали!

Председатель разъясняет: коммуна создана не просто так, а для «усложнения жизни». Собрания членов «коммуны» проводятся каждый день, «чтобы вовремя уследить за текущими событиями».

«Рыцарь революции», используя несвойственную ему иронию, предлагает коммунарам проводить собрания дважды в сутки! В этой сценке мы видим зачатки будущей сатирической хроники «Впрок».

Копенкин возмущен хитростями деревенских приспособленцев, ветеран сабельных войн считает, что «держат дорогу в социализм надо чистой». Местные крестьяне не работают, доедают запасы барского имения. Копенкин в порыве гнева собирается ликвидировать «коммуну», так как нельзя разобрать, кто кого здесь угнетает.

Суть речи Копенкина в том, что он замечает в ней зарождающийся бюрократизм: «Усложнение жизни в целях создания запутанности дел и отпора всею сложностью затаившегося кулака... чтобы текущие события не утекли куда-нибудь без внимания». Основа бюрократизма — усложнение и запутывание простых понятий: так легче управлять забитыми полуграмотными массами.

Сабельный рубака уверен, что после завоевания земного шара наступит «час страшного суда над вселенной». Как тут не вспомнить юношеские «межгалактические» мечты самого Платонова. «Бред продолжающейся жизни» искренне возмущает Копенкина, в душе он такой же идеалист, как и Дванов.

РЕВЗАПОВЕДНИК

Странствующие искатели правды едут в «глухую глубину своей родины», и находят «революционный Заповедник имени всемирного коммунизма», в котором проживает Пашинцев, бывший красноармеец.

В Заповеднике выходит газета «Бедняцкое благо», передовая статья, разумеется, о задачах всемирной революции. Далее заметка о событиях в Кронштадте.

Небольшой диспут. Малограмотный «Дон Кихот революции» — противник любой прессы. Дескать, «пишут всегда для страха и угнетения масс. Грамотный умом колдует, а неграмотный на него рукой работает».

Дванов с ним не соглашается: «Революция — это букварь для народа».

Копенкин иногда способен к иронии, чаще всего неосознанной, почти все его суждения парадоксальны. Он уверен, что неграмотные, которых в тогдашней России большинство, постановили отучить грамотных от букв, и Дваному, мол, нечего вникать в текущие события, тем более анализировать их.

Александр понимает красоту искусства, любит статуями юных дев в бывшей барской усадьбе.

Копенкин тоже «уважал величественное, если оно было бессмысленно и красиво». В данном случае старый вояка готов признать искусство, не отвлекающее человека от текущих дел по преобразованию мира, по мнению ветерана, неправильно устроенного. Тем не менее, колоннада усадьбы вызывает у Копенкина неведомое доселе чувство — «нежность к себе и ненависть к царизму». Вид архитектуры, как писал Гегель, действует на сознание человека опосредованным образом, для этого не нужно быть знатоком и ценителем прекрасного.

Дванов, вдохновленный видом скульптур, мечтает построить «что-нибудь всемирное и замечательное, мимо всех забот... Мы сделаем еще лучше и на всей площади мира». Спустя некоторое время здания 20-40-х годов эпохи конструктивизма, затем сталинские высотки воплотят мечту Дванова о высоком «пролетарском» искусстве.

«Красный дикарь» Копенкин поддерживает высокодуховное настроение Александра: «наше дело неутомимое!»

Не сразу открыл дверь незваным гостям мрачный «Рыцарь революции №2» товарищ Пашинцев. Для этого Копенкину пришлось произнести «волшебную» фразу: «Пакет от товарища Троцкого!»

«Дверь взвыла железом».

Сцена освобождения Пашинцева от доспехов состоит из двух слов — «рыцарь распался».

Крестьяне, разворовывающие помаленьку усадьбу, регулярно снабжают Пашинцева в знак благодарности свекольным самогоном, которым он, в свою очередь потчует гостей. Пашинцев одиночка, индивидуалист. О себе выражается так: «Я — личный человек». Порядок, установившийся в стране, ему не по нраву.

«Пашинцев кратко сформулировал рукой весь текущий момент». В данном случае жест красноречивее слов.

«Навсегда потерянное время вызывало в нем яростные воспоминания... Теперь уже ничего не будет... Всему конец: закон пошел, разница между людьми явилась». Анархические настроения Пашинцева не совпадают с эпохой индустриализации страны. Ветеран хочет сохранить революцию «нетронутой, для этого он организовал Ревзаповедник в брошенной богатой усадьбе. На стенах надписи углем (эти надписи иронически именуется «скрижалями»). Самодельные лозунги призывают крестьян бросить пахать. К Пашинцеву местные мужики идут с поклоном, как к барину: просят у него дрова, а заодно прихватывают плохо лежащие предметы. Мужички себе на уме: «Что самовольно схватишь, тем и жив». Околдовывают Пашинцева не только самогоном, но и лестью, дескать, «большевики — люди справедливые». Кстати, мужичок, произнесший эту фразу, участник империалистической войны, повидал мир, проливал кровь за батюшку-царя, ценит политику большевиков, прекративших войну. Этот мужичок везде приспосабливается.

Пашинцев по-барски щедр, у него в заповеднике коммунизм: «дари все себе сам!»

Не за горами то время, когда старые большевики, романтики конных сражений будут вынуждены сделать нелегкий выбор — влиться в новую индустриальную эпоху, или попасть под нож репрессий в качестве «врагов народа». «Иного не дано».

Время в Ревзаповеднике остановилось. Факт консервации революции озадачивает самого Пашинцева, он не знает, чем ему конкретно заниматься, кроме «сохранения» революции, и потому собирается вызвать в Ревзаповедник для консультации товарища Ленина.

Крестьяне, встреченные путешественниками, хотят «отойти от событий», им надоел хаос гражданской войны. Умный кузнец говорит: «Сначала стреляете, а потом спрашиваете», он предрекает большевикам скорый конец. «Народ умирает, кому твоя революция останется?» К начальству у кузнеца никакого почтения: «Всегда чудачки нами командовали». А если отменят разверстку, то «вы еще хуже, другое придумае-те... пускай уж старая беда живет». Дескать, все чудачки к власти отойдут, тогда и народу будет хорошо.

Копенкин, желая проверить, как функционирует местная власть, поверяет пальцем наличие чернил в чернильнице, «которая была сухая».

Мужики жалуются — все власти их оставили на произвол судьбы, «жить стало жутко. Нам бы хоть кого-нибудь... без причины живем...»

ХЛЕБНОЕ ИЗОБИЛИЕ НЭПа

Есть в романе глава, посвященная историческому событию — эпизод, когда Дванов возвращается в город, охваченный всеобщим восторгом от только что введенного НЭПа. Люди радуются качественному хлебу: «размол не пайковый». Народ взволнованно восклицает: «Ленин взял, Ленин дал».

Крестьяне рады НЭПу, привезли на базар продукты. Однако природное чутье подсказывает мужикам, «что эта власть все равно жить задаром не даст».

Дванов, вернувшись в губернский город, удивлен обилием продуктов в магазинах и лавках: «У революции стало другое выражение лица, люди стали лучше питаться, почувствовали в себе душу... Жителям надоело большие идеи».

Предгубисполкома Шумилин не заинтересовался докладом Дванова о состоянии дел в провинции, НЭП резко изменил настроение общества, у начальства теперь другие планы.

Некто Фуфаев на собрании говорит о том, что надо «молча и широко трудиться» — впереди сталинские пятилетки. Прошрое, по мнению Фуфаева, надо считать «навсегда уничтоженным и бесполезным фактом».

Но куда девать бывших красных командиров? На губернском собрании им решено дать мелкие «глухие» должности.

Партсобрание продолжается до сумерек. Гаснет свет, собрание погружается в тишину и темноту. Слышно, как по улице едет телега, плачет ребенок. В грандиозные губернские планы врывается реальная жизнь.

В те времена начальство, вышедшее из народа, было с ним практически на равных, как на официальных мероприятиях, так и в быту. «В те времена не было определенного кадра знаменитых людей», — подчеркивает Платонов.

На фоне губернского собрания впервые появляется некто Чепурный — организатор и вдохновитель чевенгурского «коммунизма».

Начинаются новые главы романа, порой абсурдные и фантастичные по смыслу. В Чевенгуре происходят забавные, порой трагичные эпизоды, являющиеся сюрреалистичным зеркалом эпохи, в которой жил и творил Андрей Платонов.

Чепурный уверяет, что в подведомственном ему Чевенгуре наступил «конец истории: коммунизм есть, а славы нет». Провинциальный вождь желает признания своего эксперимента хотя бы в губернном масштабе. Чепурный «упразднил» административную помощь населению, потому что «убедился в уме каждого гражданина».

Дванов, познакомившийся с Чепурным в городе, заинтересовался Чевенгуром. Для молодого человека город со странным названием похож на «влекущий гул неизвестной страны».

Платонов видел, как великие идеи переустройства мира стремительно угасают. Приходит время практического расчета, трезвой политической жизни. Чепурный искренне полагает, что будто в Чевенгуре коммунизм существует в полном своем наличии. В «обществе» маленький диктатор Чепурный не видит нужды, и потому он общество «демобилизовал».

«У нас высокое превосходство жизни», — философическим тоном поясняет Чепурный. — Скот мы тоже распустили по природе... от векового угнетения скотина отстала от человека. А ей человеком тоже быть охота».

В гротескной форме Платонов обыгрывает мысли необразованных масс, мечтающих об исправлении жизни на основе справедливости. Фактически город захватила шайка вооруженных разбойников, называющих себя «большевиками». Сброд фанатиков, имевших когда-то семьи, жен, посещавших в детстве церковь. Люди с винтовками и пулеметом ради идеи готовы истребить простых обывателей, называемых «полубуржуями» ради призрачного блага трудящихся.

Идет обсуждение участи мещан, которых решено расстрелять. Хитрец Прокофий уклоняется от конкретного решения: «Я — человек служащий, мое дело — мысль на бумаге».

«Коммунизм» в этом городке своеобразный, с комическим оттенком. Скорее анархия, нежели коллективизм. Нет у жителей общей цели, каждый бродит здесь сам по себе. Иногда «коммунары» занимаются бессмысленными «общими» делами — перетаскивают с места на место дома, пересаживают садовые деревья и т.д.

Оформить мысли главарей Чевенгура в бумажном варианте помогает бюрократ и мошенник, единственный «коррупционер» городка Прокофий Дванов. За минувшие годы Прокофий преуспел в демагогии: «Чувство — массовая стихия, а разум — организация».

Во время голода 21-го Прокофий и Александр некоторое время жили под одной крышей. У них разные характеры, в новую жизнь они также вышли разными людьми, сохранив при этом братские отношения.

Характер Саши Дванова не годится ни для войны, ни для революции, ни тем более для пародийного «коммунизма». Сердце молодого человека еще не обволоклось корой жизни. У него «машинальная» жизнь, существование на уровне мысли (которую Платонов открывает читателю бережно и постепенно) — Александр Дванов «альтер эго» писателя, к нему на страницах «Чевенгура» особое отношение, он как бы наблюдатель, тот самый безмолвный «сторож», живущий в подсознании человека и наблюдающий безмолвно за происходящими событиями. Дванов — не судья протекающей истории, он не любопытен, хотя все видит и понимает, не высказывая отношения к творящемуся абсурду.

Местный совет в Чевенгуре разместился в здании бывшей церкви, что весьма символично для тогдашней идеологии — бога хотели заменить духом братства и единения на материальной основе.

Гордый «рыцарь» Копенкин въезжает в храм на коне. Он слышит пение птиц, воспринимая их как голоса умерших. Как ни изменяй жизнь, а прошлое идет рядом. Душа Копенкина закоснела не окончательно. Иногда он вспоминает покойную мать, родственников и не забывает возлюбленную Розу.

ТЕНЕВАЯ ВЛАСТЬ ВЕЩЕЙ

В церкви располагается «резиденция» Прокофия, претендующего на материальную власть в заброшенном городке. Если у Чепурного одни лишь «чувства», то Прокофий даром времени не теряет, у него сытная жизнь. Единственный в городе чиновник, он переводит полуграмотные грезы Чепурного в бумажные документы, прибирая к рукам все, что плохо лежит. На лице Прокофия виден «старый экономический ум». Именно такие Прокофии, учетчики, бухгалтеры, кладовщики были срочно востребованы после гражданской войны. Придирчивый Копенкин замечает, что у Прокофия «угнетающее лицо». И улыбается он, дескать, «от лишнего ума».

Зато в умах чевенгурских активистов еще не отбушевали идеалы всемирной революции. Стремительный ход истории вынуждает их спускаться с небес на землю. Бывшие кавалеристы не хотят адаптироваться к мирной жизни. «Я дурак... но живу вполне свободно», — размышляет Копенкин. Чепурный уверен — скоро таких Прокофиев новая власть прижмет к ногтю, а пока терпит махинации Прокофия и Клавдюши, к которой сам Чепурный также равнодушен. Бывший боец подавляет чувство ревности, полагая, что чувство любви к Клавдоше у него в груди, а не в «молодых местах».

МАРКСА ОНИ НЕ ЧИТАЛИ

К труду в Чевенгуре особое, явно не коммунистическое (Маркса никто из активистов не читал) отношение. Вот несколько тезисов, посвященных смыслу «нового» труда:

Трудиться никому нет необходимости — все блага чевенгурцам приносит солнце, объявленное «всемирным пролетарием».

«Труд объявлялся пережитком жадности».

«Труд способствовал появлению имущества, а имущество — угнетению».

Вместо бани — река Чевенгурка. В ней местные пролетарии могут вволю мыться. Солнечные лучи убивают микробы, засевшие в коже. Чепурный купается прямо в шинели, объединяя процессы гигиены и стирки. Вода успокаивает разгоряченное начальственное сознание, Чепурный таким способом пытается «изжить свои неясные тоскующие страсти».

Город приходит в запустение, дичает. Копенкин косит траву для лошади на главной площади города.

«Чевенгур просыпался поздно, жители отдыхали от векового угнетения».

Едиличник-революционер Пашинцев, покинув свой Ревзаповедник, пришел из любопытства в Чевенгур. Пашинцев грустит: «Скитаюсь без почета».

На окраинах города самосевом растет пшеница, необходимая для пропитания активистов. А пока они доедают запасы буржуев, ловят для супа одичавших кур, прячущихся по кустам.

В душе Копенкина нарастает тоска, он осматривает окрестности города, ворчит: «Не хватает факторов...» Людей, проживающих в Чевенгуре, Копенкин называет «отпускниками из империализма».

ОСТАНОВЛЕННОЕ ВРЕМЯ

Томящийся застойный Чевенгур. Копенкин «не чувствует» здесь коммунизма.

Чепурный бродит в полях, чтобы в томительном одиночестве «предчувствовать новую жизнь, а также созерцать контрреволюционную благодать природы».

Забавен в своих ухищрениях бюрократ и хапуга Прокофий, который «формулировал революцию, как хотел» и в то же время утверждал, что от идей Маркса (которого он тоже не читал), дескать, отступиться не может. Тем временем его подруга Клавдюша прячет остатки городского добра у родственников.

После расстрела «полубуржуев» в городе остается одиннадцать человек, Клавдюша — двенадцатая.

Чепурный в степи с нетерпением ожидает рассвета над очищенным от мелкобуржуазных элементов городом. Старого мира нет, а солнце никак не всходит...

Активисты вживаются в немудреный быт: вместо полотенец — лопухи, в железной кадлушке варится «основной суп», питаются все «однажды в сутки», подстреливая редких кур из пулемета. Кушать всем хочется, активист Кирей полагает, что с наступлением коммунизма «курица сама должна придти», чтобы стать обедом.

Искусства в Чевенгуре нет, оно — «дыхание пережитка», — заявляет некто Жеев. — Нам нужно сочувствие, а не искусство».

В городке вводится новое летоисчисление: «Лето, 5-й день коммунизма». Мысли Чепурного о «равенстве» заходят так далеко, что он готов уравнивать в правах крапиву и пшеницу — дескать, все растения произведены общей почвой.

Несмотря на отдаленность Чевенгура от других населенных пунктов, в город доставляется масса казенных бумаг и циркуляров, сдаваемых на попечение бюрократа Прокофия.

Чепурный называет эти документы «беспартийными», из них, дескать, исходит «стихия высшего ума». Разумеется, при таких сатирических пассажах роман в те годы не мог быть опубликован. Даже протекция Горького, если бы она состоялась, вряд бы помогла роману увидеть свет.

Платонов, видимо, много раз бывал на тогдашних многоречивых собраниях, где нормальный язык становится ненужным, все ораторы используют канцелярит.

Заседание Чевенгурского ревкома — апофеоз провинциального постреволюционного бюрократизма. Абсурдно мнение Чепурного: мол, в Чевенгуре коммунизм уже «организован», осталось облечь его в документальную форму, то есть оформить соответствующие бумаги. Это поручено обладателю иезуитского ума и приспособленцу

Прокофию, который вслух не возражает против абсурдных речей Чепурного, однако в документах дает им другие формулировки, приемлемые для губернского начальства. Прокофию, обладающему бюрократическим даром, удается сгладить острые речи Чепурного, который, как он сам выражается, не мыслит, но «чувствует».

Копенкин, наблюдая вялое существование активистов, полагает, что коммунизм в Чевенгуре «вырос от запустения». Томление бывшего кавалериста усиливается.

Пашинцеву, некогда хозяину Ревзаповедника, тоже не нравится Чевенгур, он хочет вернуться в бывшую барскую усадьбу, которую теперь считает личной собственностью. Максимализм Чепурного: он готов разрушить дома ради того, чтобы во время холода пролетарии согревали друг друга своими телами.

НА ЧТО ПОТРАЧЕНА ЖИЗНЬ?

Исследователи романа неоднократно упоминали факт смерти ребенка, который вместе с матерью пришел в Чевенгур и заболел. Вылечить его не удалось ни подручными средствами, ни высокими словами, на которые горазд местный вождь. Кстати, Чепурный имеет понятие об основах медицины, на империалистической войне он был фельдшером.

Равенство в нищете не спасает народ, но ведет к смерти. Копенкин приходит к выводу, что «идея жизнь не стережет, она ее тратит... одно и то же, как при империализме».

Почему же идея взяла верх над главной сущностью человека — над его стремлением жить? Грустит «усомнившийся» Копенкин, в глубине городка играет гармонь. «Отчего же он умер? — размышляет о ребенке Дон Кихот воронежских степей. — Ведь он после революции родился». Копенкин с упреком обращается к Чепурному: «Ребенок от твоего коммунизма умер?»

Разумеется, Чепурный «не смог сформулировать оправдания», он ужаснулся свершившемуся факту, придя к дикому для него выводу: «Значит, у нас капитализм?»

Не за горами осень, становится прохладно, над степью плывут облака. Чепурный в недоумении: свершившиеся перемены никоим образом не подействовали на природу.

Александр Дванов едет в Чевенгур, разглядывает окрестности: «Революция прошла как день... стихла стрельба, заросли дороги армий... Пространство равнин и страны лежало в пустоте... Революция миновала эти места, освободив поля под мирную тоску... В мире было как вечером».

Развязка не за горами...

Кончается молодость Дванова: «Во мне и во всей истории происходит вечер». Александр увязывает свое взросление с затишьем в общественной жизни: «Революция прошла, урожай ее собран».

Что это был за урожай, читателям романа уже понятно — это особенное состояние масс людей, мечты которых не только не исполнились, но и отодвинулись еще дальше, за горизонты будущихстроек и пятилеток. На это уйдут остаточные силы народа, не опомнившегося в полной мере от империалистической и гражданской войн. «История грустна, потому что она — время, и знает, что ее забудут», — говорит Дванов Чепурному, на что тот попросту отвечает: у нас история кончилась!

Главная загадка романа заключается в вопросе: зачем Платонов его написал, понимая, что в те годы текст не может быть опубликован?

Пролетарии обсуждают — надо ли жить человеку правдой, ведь у правды век короткий... Прокофий полагает, что «правда убыточна, счастье надо держать в бережном запасе... чтобы изредка и по мере классово-надобности отпускать массам частичными порциями». Дескать, у истории не хватает сил, чтобы выполнять все желания человека. Прокофий предлагает «уменьшать *постепенно* человека, и тот притерпится: ему так и так все равно страдать».

Платонов устами Прокофия разоблачает мнимость искусственно организованно-

го «коллективизма». Зато Прокофия устраивает сложившаяся система: «горе в русских деревнях — это есть не муча, но бычай». Он считает брата Сашу блаженным, почти юродивым, и недалек от истины. «Прокофий практически поглядел на Дванова: такой человек напрасное существо, он не большевик».

Дванов «излишне чувствует человека, но не может «аккуратно его измерить». А время идет, наступает сталинская эпоха, аккуратно обращаться с людьми никто не собирается. Саша ощущает наступление перемен: «Я раньше думал, что революция паровоз, а теперь вижу, что нет».

ВРЕМЯ ГРОЗИТ БЕДОЙ

Осень — «время опустевших разбитых дорог... время идет только в природе, а в человеке стоит тоска. Дальше ничего нет, кроме травы, поникшей в безлюдном пространстве».

В чевенгурском степном воздухе ощущается приближение катастрофы.

На примере Чевенгура писатель показывает крах любых навязанных сверху реформ, как бы они высокопарно ни именовались и какими бы теориями ни подкреплялись.

Возможно, Максим Горький, читая роман, уловил это предостережение, но сделал вид, что не заметил его, указав автору на прочие недостатки текста.

В Чевенгуре кончилась махорка, активисты курят толченые лопухи.

Наступили осенние холода, но Чепурный не торопится заготовливать дрова — он полагает, что снег укроет дома и всем будет тепло.

В числе действующих лиц романа появляется персонаж по фамилии Сербинов, приехавший для ревизии Чевенгура из Москвы.

«Измощенный революционер», — так характеризует автор этого горожанина до мозга костей. Этот городской большевик, такой же безынициативный, как и Александр Дванов, был послан из Москвы в Чевенгур в качестве ревизора.

Все герои книги — в той или иной степени индивидуалисты, одержимые различными идеями. Сербинов «чувствовал лишь энергию печали своей индивидуальности», — говорит о нем Платонов. — Он заранее верил в недостижимость необходимого ему счастья». Да и как верить, если «вся Россия, по мнению Сербинова, населена гибнущими и спасающимися людьми. Неимущая, безжалостная к себе родина».

Сербинов, как считает автор, «несчастный, замерший среди жизни человек». Друзья «оставляли его и проходили в свое будущее». Впрочем, Сербинов достаточно мыслящая личность, он хочет чего-то необыкновенного в жизни, от друзей его отталкивает «скудость их намерений».

Затаенные люди, вроде Сербинова, доверяют мысли дневнику. Чем-то он похож на героя романа Достоевского «Бесы» Ставрогина. Сербинов мечтает «развить в себе страсть, превозмочь это упрямое тело *высшего* человека».

В ОЖИДАНИИ «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ»

Приближается последний акт трагедии городка, над которым скупо светит «жмурящиеся солнце средней осени».

Басей Копенкин, крестьянин по натуре, желая занять себя работой, пашет степь, поднимает целину. Спустя десять лет его примеру последуют шолоховские Давыдов и Нагульный — создатели первого колхоза.

Небольшими штрихами Платонов показывает, как жизнь — настоящая, земная — медленно возвращается в свое русло. «В работе все забылись, и жить стало нетрудно». В чуланах жители выскребают горстями рожь, «уцелевшую от старого мира», чтобы посеять озимые на поле, вспаханном Копенкиным.

Канцеляризм, свойственный той эпохе проник в язык нищих, поселившихся в

Чевенгуре. «Мы низовая масса... Пора б костер посильнее организовать... Хворостины без калибра выросли...»

Сербинов недоволен Чевенгуром. По его мнению, город захвачен бродягами, которым незнакомо «искусство информации».

«Полуинтеллигент» Дванов проявляет технические способности: с помощью зеркал, собранных со всего города, он мечтает превратить солнечный свет в электричество. Жители города построили глиняный маяк — ждут пополнения.

Прибыла очередная партия нищих, гармошка играет «большевистский фокстрот». Чепурный объявляет благодарность вновь прибывшим женщинам «как товарищам специального устройства». Он разочарован видом исхудавших женщин: «в них вещества не хватает».

Прокофий озабочен, излишняя суета его раздражает: не то пора семейство организовать, не то коммунизм перетерпеть? То ли омещаниться, то ли пойти дальше по служебной лестнице? Вместе с Клавдией он тайно продает вещи, оставшиеся от «буржуев». Вырученные деньги Клавдюша хранит у тетки.

Глиняный памятник Прокофию пародирует будущие памятники советским вождям.

Копенкин, наблюдая за Прокофием, произносит пророческую фразу: «Буржуазия неминуемо грядет!»

Платонов — мастер абсурда, смешанного с лирикой, с оригинальными канцеляризмами.

ОСЕНЬ «СЧАСТЛИВОГО» ГОРОДА

В Чевенгуре сгущается «туман» отчаяния. Чевенгурская действительность рождает абсурд, который местные активисты считают своей «новой» жизнью.

«Где моя Пролетарская Сила?» — странным голосом восклицает Копенкин. Внешне «Рыцарь революции» также страшен, — «косматый, пожилой, рыдающий».

«Вы обманули меня коммунизмом!» — восклицает Копенкин, обращаясь неизвестно к кому.

...Последний бой активистов с бродячим отрядом кадетов, заблудившимся в степи. Бессмысленные выстрелы Чепурного.

«Копенкин дал сабле воздушный разбег». Ветеран силен в бою, он отрубает руку кадету.

Бессмысленно погибает московский нигилист Сербинов.

Копенкин смертельно ранен: «мне стыдно быть покойным».

Пролетарская Сила, словно преданная собака, выносит хозяина в зубах из гуши боя. Дон Кихот революции мертв, эпоха Копенкиных завершилась.

Дванов оставляет мертвого друга в степи, садится верхом на Пролетарскую Силу, едет, куда глаза глядят.

Могучая лошадь устала: «Дванов проехал свою родину на шатающемся коне».

Время для Александра пошло вспять — он слышит звук знакомого колокола, вспоминает детство.

Александр повторяет судьбу утонувшего отца — уходит навсегда в серые воды озера с названием Мутево. А где-то неподалеку, в Ямской слободе, доживает свой век постаревший Захар Павлович.

Все вернулось на круги своя, но читатель понимает — завершилась лишь часть истории. При всей фантазмагоричности и абсурдности Чевенгур — часть истории России, зеркало, в котором отразились те необыкновенные времена.

